

В.Д.Стариченок**О семантической структуре сложных полисемантов**

Изучению семантической структуры слова посвящен ряд работ, в которых авторы с различных точек зрения исследуют это многомерное явление¹. В данной статье семантическая структура слова, определяемая как иерархическая система взаимообусловленных или же связанных опосредованными отношениями элементов², исследуется с точки зрения пересечения квалитативно-квантитативной (качественной и количественной) и пространственной (территориальной) координат. Объектом для исследования послужили сложные полисеманты, состоящие как минимум из трех лексико-семантических вариантов (ЛСВ), засвидетельствованных на различных территориальных участках (пока мы ограничиваемся только белорусскими говорами). Из всего множества поли-семантов для изучения избрана небольшая группа имен существительных, для которых характерны широкие семантические связи между компонентами различных тематических групп, широкая предметная (денотативная) соотнесенность, проявляющаяся в различных говорах по-разному, четкость границ между отдельными ЛСВ в каждом конкретном говоре и др.³. Исследование проводится на широком ареале, включающем практически все белорусские говоры, все многообразие частных лексических моносистем. Лексический материал этих систем объединяется в единое структурно-семантическое целое, называемое диалектным языком⁴. Диалектный язык представляет собой качественно новое образование — систему систем, или полисистему, которая надстраивается над всеми частными диалектными системами и характеризуется территориальным фактором (что отличает ее от моносистем и литературного языка). Такая система носит условный, абстрагированный характер, ибо никогда не реализуется в речи, не является коммуникативным средством (в ней отражаются не реальные лексические отношения в пределах какого-либо говора, а междиалектные соотношения). В структуре диалектного языка, не сводимой к сумме частных диалектных систем, общенародные элементы, как отмечают Ф. П. Филин, И. А. Оссовецкий и другие исследователи⁵, сочетаются с локализмами различного происхождения и различных временных срезов. Объединение этих элементов (а они часто фиксируются в территориально не связанных говорах) в единой семантической структуре вполне возможно, ибо в каждом диалектном континууме наблюдается не только типологическое подобие, обусловленное общностью происхождения и общими тенденциями развития в условиях взаимодействия друг с другом и литературным языком, но и сходство конкретных реализаций на различных языковых уровнях⁶.

Отдельные ЛСВ в структуре слова связываются между собой самыми разнообразными отношениями, характер которых может по-разному интерпретироваться в различных диалектных массивах. Неидентично с точки зрения носителей различных говоров может восприниматься и сам ЛСВ (в одних случаях он может быть основным, в других —

производным, в третьих — периферийным и т. д.). Характеристике отдельных ЛСВ и значений слова посвящена огромная научная литература, перечислить которую в рамках одной статьи невозможно. В зависимости от аспекта, который учитывается при классификации ЛСВ, языкового статуса исследователи выделяют основное и неосновное, прямое и переносное (вторичное), главное и второстепенное, центральное и периферийное, общее и индивидуальное, сталинское и нейтральное, узуальное и окказиональное, широкое и узкое, достаточное и недостаточное, потенциальное и актуальное, ролевое, структурное, интересубъективное, денотативное, сигнификативное, вербальное, прагматическое, логическое, символическое, пересекающееся и многие другие значения⁷.

Все это говорит о сложности рассматриваемого языкового явления, обусловленного как интра-, так и экстралингвистическими факторами. Многообразие сложных семантических связей между ЛСВ можно свести к нескольким универсальным типам (и их разновидностям), проявляющимся в каждом континууме по-своему (безусловно, дать исчерпывающий анализ структуры полисеманта, учесть тончайшие нюансы и изменения самих ЛСВ невозможно из-за открытости семантической структуры слова).

В лингвистической литературе уже говорилось о типах содержательных связей многозначного слова, в зависимости от которых выделялось несколько структур полисеманта — радиальная (иррадиативная), цепочечная (конкатенативная, инклюзивно-ступенчатая), радиально-цепочечная и параллельная⁸.

При радиальной структуре все производные ЛСВ развиваются, как правило, на базе основного варианта. Схемы такой структуры отличаются друг от друга количественным составом компонентов, в то время как содержательные связи остаются неизменными (при идеальной, «чистой» модели); например, *полес.*⁹ *гарлянка* 1) горло; 2) сосуд с узким горлом; 3) болезнь горла; *полес. лён* 1) лён; 2) льняное волокно; 3) вареное льняное семя; 4) поле, с которого убрали лён.

Цепочечная структура чаще всего предполагает зависимость второго ЛСВ от первого, третьего от второго, четвертого от третьего и т. д. Схемы такой структуры представляют собой последовательно связанную цепочку. Например, *бясёда* 1) беседа, разговор; 2) компания, гости; 3) праздник (часто свадьба); 4) родственники молодых на свадьбе: *вырай* 1) стая перелетных птиц; 2) теплые края; 3) место, куда прячутся на зиму змеи и т. п.

Параллельная структура наиболее отчетливо проявляется у производных единиц, ЛСВ, которых связаны не эпидигматически, а опосредованными отношениями (каждый из ЛСВ сосуществует параллельно, не выводится из другого). В научной литературе такого рода соотношения ЛСВ получили различные трактования, колеблющиеся между полисемией и словообразовательной омонимией¹⁰. Сложность семантической структуры таких единиц зависит от степени полисемантической исходного слова и деривационных формантов, характера варьирования словообразовательного значения, соотношения ЛСВ у производящего и производного слов и других

причин. Все ЛСВ объединяются каким-либо общим признаком, семой; например, *ляжак* 'лежачий улей, колода; горизонтальная часть дымохода; вид прялки; вид печи, лежанка; бурелом', *бель* 'белая пряжа; сорт яблок, белый налив; болото, поросшее пушицей; верхний слой древесины, находящийся под корой' *курáтнік* 'курятник; работник, ухаживающий за птицами; лиса, волк, нападающие на кур'. В народных говорах не единичны случаи, когда источник мотивации, т. е. ЛСВ производящего слова, включается в структуру производной единицы. В результате этого наблюдается процесс распада параллельной связи, трансформация ее в другие виды связи (чаще всего это преобразование приобретает схему радиальной полисемии); например, *дуплянка* 'колодочный улей; дупло в дереве, в котором гнездятся пчелы; дикая семья пчел, живущая в дупле; кадка для меда'. Такие процессы — явление, характерное для народных говоров, особенно когда структура полисеманта рассматривается на широком ареале.

Закономерностей преобразования схем и моделей содержательных связей от говора к говору не наблюдается, что обусловлено динамическим развитием диалектной лексики в целом, открытостью системы, ее подвижностью, взаимовлиянием отдельных ингредиентов, воздействием литературного языка и многими другими факторами.

Наиболее же представительной в народных говорах является структура, в которой многочисленные ЛСВ (а их в отдельных случаях насчитывается свыше 30), объединяясь в семантическое единство каким-либо одним видом связи, общей семой, отражают всевозможные вариации экстралингвистической основы. Существенно не изменяясь в пограничных диалектных массивах, такая семантическая структура на дальнейших этапах пространственного развития проходит сложные качественные преобразования вплоть до возникновения междиалектных омонимов. Эти преобразования могут осуществляться как в пределах одной тематической группы, так и нескольких. В случае семантического распределения ЛСВ внутри тематической группы денотативная соотнесенность, как правило, глобально не изменяется. На первый план выдвигаются различные признаки реалий (их конструктивные и функциональные особенности, размер, форма, цвет и пр.), в результате чего происходит дробление семантики слова на отдельные составляющие, ее детализация. Этот процесс, являющийся одной из характернейших особенностей диалектной лексики, ведет к количественному росту ЛСВ, практически не изменяя экстралингвистического основания, качественной стороны структуры слова (в лексикографической практике такие случаи чаще всего классифицируются как самостоятельные ЛСВ, хотя возможна интерпретация их на уровне оттенков значения, употреблений). Например, полес. *ку́ртка*, *бурно́с* 'короткая верхняя куртка; короткая суконная одежда, утепленная ватой; короткая верхняя мужская одежда; короткая верхняя женская одежда; пиджак', *гай* 'лесок посередине поля; молодой сосновый лес; небольшой смешанный лес', *выступы* 'обувь, сшитая из ткани; обувь на деревянной подошве; старая изношенная обувь' и т. д.

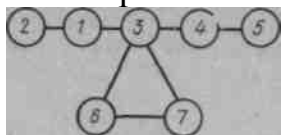
Более широкая и разветвленная денотативная соотнесенность наблюдается у ЛСВ (они относятся к одной и той же тематической группе), имеющих большой пространственный разрыв. Отсутствие точек соприкосновения не превращает ЛСВ в междиалектные омонимы (хотя зачастую связь между ЛСВ затмевается), чему способствуют действия общих тенденций семантического развития в каждом из говоров, последовательная трансформация семантической структуры слова от говора к говору, влияние литературного языка и другие факторы. Например, среди ЛСВ полисеманта *ка́ры*, относящихся к тематической группе наименований транспортных средств, почти половина имеет разную денотативную соотнесенность. Сравнивая 1-й, 5-й, 6-й, 9-й и 10-й ЛСВ, легко убедиться, что семантическая связь между ними не всегда легко подводится под традиционные формулы метафорического и синекдохического переносов. *Ка́ры* 1) телега с высокими решетками для перевозки сена, соломы, снопов (гродн., брест., гом., полоц.); 2) большая телега для перевозки грузов (гродн., брест., мин.); 3) телега без боковых решеток (гродн.); 4) выездная телега (мин., мог.); 5) передок телеги с оглоблями (мин.); 6) большие сани для перевозки бревен (гродн., брест., гом., мин.); 7) сани для перевозки сена, соломы (брест., гом.); 8) подсанки (брест., полоц., гом., мог.); 9) полозья из выкопанных деревьев (гом.); 10) тройчатка в телеге (гродн.); 11) тележный ящик (гродн.) и др.

В большинстве же случаев в акт семантического преобразования слова включаются компоненты целого ряда тематических групп, ибо лексический состав языка (как уже неоднократно подчеркивалось в лингвистической литературе) представляет собой определенную систему постоянно соприкасающихся и пересекающихся элементов. Все эти компоненты, объединенные различными видами семантических связей, в структуре слова получают статус ЛСВ. Например, *ша́пка* ‘головной убор (общ.)’; фуражка (мин., полес); верхняя горизонтальная перекладина в дверном и оконном проеме (гродн., полес.); верхняя часть сундука (полес); подушка в телеге (вит.); верхняя часть стога (мог.); подсолнечник (мог.); шляпка желудя (мог.); шляпка у гриба (гродн.)’ и др.

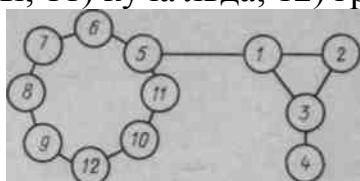
Схемы содержательных связей в диалектной лексике более сложны и многообразны, чем представление их в радиальной, цепочечной и параллельной структурах. В одних говорах эти структуры могут восприниматься не полностью, частично из-за утраты определенных звеньев семантического развития, в других — они усложняются дополнительными семантическими компонентами. Пространственная проекция позволяет отразить не только особенности семантического преобразования в каждом отдельном говоре, ступени и звенья семантических переводов от говора к говору, от одной тематической группы к другой, но и общие тенденции семантического развития диалектной лексики.

Наиболее же распространенными в народных говорах являются разновидности смешанных радиально-цепочных структур. Исключая общие семантические закономерности, связывающие ЛСВ слова, каждая из таких

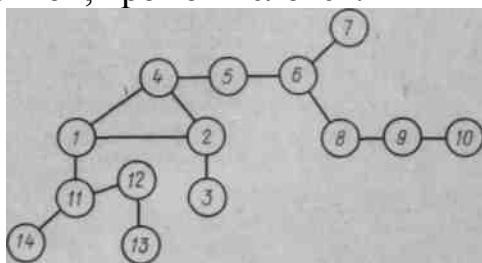
структур представляет собой сложное и многоплановое явление, отражающее все многообразие существующих в реальной действительности связей и сочетаний. Представим несколько таких структур в виде моделей: *загнёт* 1) часть печи, шесток; 2) ниша над местком; 3) мелкие щепки, которые кладут перед шестком, чтобы лучше запекался хлеб; 4) лозовые прутья, которыми в былые времена разжигали огонь в избе; 5) лозовый прут в корзине, ручка; 6) состояние хорошего запекания хлеба; 7) накал, дух.

Грѹд 1) сухое высокое место среди болота; 2) сухой луг, суходол; 3) сено, скошенное из сухих мест; 4) сенокос; 5) небольшая горка; 6) кочка; 7) ком замерзшей земли; 8) куча хвороста; 9) куча камней; 10) куча картошки, свеклы; 11) куча льда; 12) группа людей.

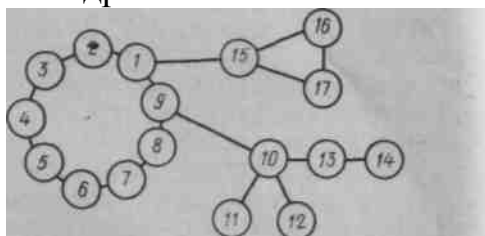
Кѹльи́я 1) бедро; 2) часть ноги у птиц и животных; 3) свиной окорок; 4) боковой угол стога; 5) угол с сеном в гумне; 6) задняя часть телеги с сеном; 7) способ укладки сена на телеге (сначала по углам, потом посередине); 8) конечная часть воза; 9) передняя часть воза; 10) передняя часть саней; 11) протез; 12) палка, которой опираются при ходьбе; 13) кривая палка вообще; 14) кривой, хромым человек.

Вполне понятно, что подобные модели семантической структуры слова выдвигают на передний план содержательные связи между ЛСВ, упуская из виду коннотативные, функциональные, парадигматические, синтагматические и другие характеристики ЛСВ. Но и эти упрощенные, схематичные модели семантической структуры по сравнению со словарной статьей более наглядно и зримо показывают, как отмечает М. В. Никитин, строение семантики слова, характер взаимосвязи отдельных ЛСВ, их центральное или периферийное положение, дают представление о компактности семантической структуры, что имеет первостепенное значение для построения сопоставительной типологии смысловых структур, сравнительного изучения лексико-семантических систем в разных языках и для решения прикладных задач¹¹. Безусловно, использование таких моделей во всех без исключения случаях, подведение всех проявлений семантической структуры слова под некий трафарет исказит, как на это уже обращалось

внимание ¹², реальную картину сложного механизма функционирования языка.

Спроецировав те же модели на плоскость (географическую карту), получаем решение еще ряда задач, касающихся как пространственного (ареального) расположения полисемантов и их компонентов, так и характеристики ЛСВ с точки зрения их употребления в речи, частотности. Правда, семантическая структура слова не всегда поддается ареалогизированию, что обусловлено самим фактическим материалом, а также своеобразием лексической системы говоров, характеризующейся наличием нескольких контактных зон (белорусско-латышской, белорусско-литовской, белорусско-польской, белорусско-украинской, белорусско-русской), полилингвальных регионов, существованием балтского этнического и лингвистического субстрата и др. Семантическая структура слова в контактной зоне более подвижна и динамична, в ней обнаруживается значительное количество исконных, заимствованных, контекстуальных (нередко индивидуальных) и окказиональных ЛСВ. Ср.: бел. диал. *бóнда* 1) буханка хлеба; 2) небольшой хлебок, испеченный на сковородке; 3) сдобный хлеб; 4) лепешка; 5) пирожок; 6) толстый блин из тертого картофеля и муки; 7) булочка, выпеченная из остатков теста; 8) пирог для поминального стола; 9) праздничный пирог (обычно свадебный); 10) приданое; 11) ребенок, рожденный до замужества; 12) домашние животные, которых дают в качестве приданого; 13) надел земли, который дают в качестве приданого; 14) вообще участок земли, поле; 15) гостинец, что давали пастуху за работу (обычно хлеб, сало); 16) сверток нутряного сала; 17) небольшое кольцо колбасы и др

Слово это, широко распространенное в литовском языке (откуда оно и пришло в белорусские говоры), известно также в польских и украинских говорах ¹³. Сравнив семантическую структуру этого слова в различных языках, необходимо отметить, что наиболее широкая и разветвленная сеть ЛСВ наблюдается в белорусских говорах. Причем часть ЛСВ заимствована у языка-источника, часть развилась на собственной основе, а ряд ЛСВ так и не вошел в систему белорусских говоров (ср.: литов. *bandà* 'стадо коров; богатство, деньги'). Первичным ЛСВ для литов. *bandà*, по мнению В. Мажюлиса ¹⁴, является значение 'рогатый скот', распространенное в белорусских говорах на незначительной территории (в основном на периферии ареала). Более позднее для литовского языка значение 'хлебное изделие' занимает в белорусских говорах центральную часть ареала и воспринимается ныне как ос-

новой ЛСВ. Такого рода переоформление статуса ЛСВ в рассматриваемом регионе — явление довольно частое.

В различных территориальных участках по-разному может восприниматься не только статус ЛСВ, но и его основная характеристика, вид содержательной связи и в целом качественная координата семантической структуры слова. Значительное влияние на это оказывает (кроме пространственного фактора) дескриптивность (resp. индивидуальность восприятия) полисеманта и его ингредиентов и связанная с нею стратификационная вариативность, обусловленная различными социальными факторами (видом деятельности, возрастом, полом, образованием носителя говора). Ею в некоторой степени объясняется действие одного из самых заметных процессов, происходящих в говорах, — процесса семантической дифференциации диа-лектной лексики и сопутствующего ему явления специализации ЛСВ. В большинстве случаев специализированное значение развивается на базе общеизвестного ЛСВ в результате неоднократного его употребления. Ареал распространения такого специализированного ЛСВ, как правило, значительно уже исходного ЛСВ. Неравноценны сравниваемые ареалы и с точки зрения их наполненности. Специализированные ЛСВ, активно употребляющиеся в речи представителей различных профессий и сословий, могут не получить широкого распространения у остальных носителей говоров. Характер специализации, существенно не отличаясь в разных говорах, зависит в некоторой степени от региональных особенностей диалектного слова, его парадигматических и синтагматических связей. В результате этого могут возникать междиалектные варианты специализированных значений, всю совокупность которых необходимо учитывать при определении направления специализации. Чаще же всего специализация общеупотребительного слова приводит к образованию термина, на что обращали свое внимание как отечественные, так и зарубежные лингвисты¹⁵.

Наряду со специализированным ЛСВ в структуре полисеманта может развиваться и более широкое, генерализированное значение, которое часто соотносится с другими ЛСВ по типу гипо-гиперонимической связи. При этом происходит как бы включение гипонима в структуру гиперонима, что на схеме было бы представлено в виде кругов, включенных один в другой.

Таким образом, качественно-количественное варьирование семантической структуры слова в диалектном языке представляет собой сложное и многоплановое явление. Осложненное пространственно координатой, это явление отражает как типологические структуры полисеманта, универсальные типы содержательных связей, так и факты узкого ареального прикрепления. Многообразие вариаций и превращений семантической структуры слова, не сводимое к единой и всеохватывающей модели соподчиненности всех ее ингредиентов, определяется множеством интра- и экстралингвистических причин: национальными особенностями исследуемого региона, различной денотативной и сигнификативной соотношенностью, де-скриптивностью, стратификационной вариативностью,

парадигматическими и синтагматическими связями ЛСВ, их дистрибуцией, влиянием литературного языка и мн. др.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ